

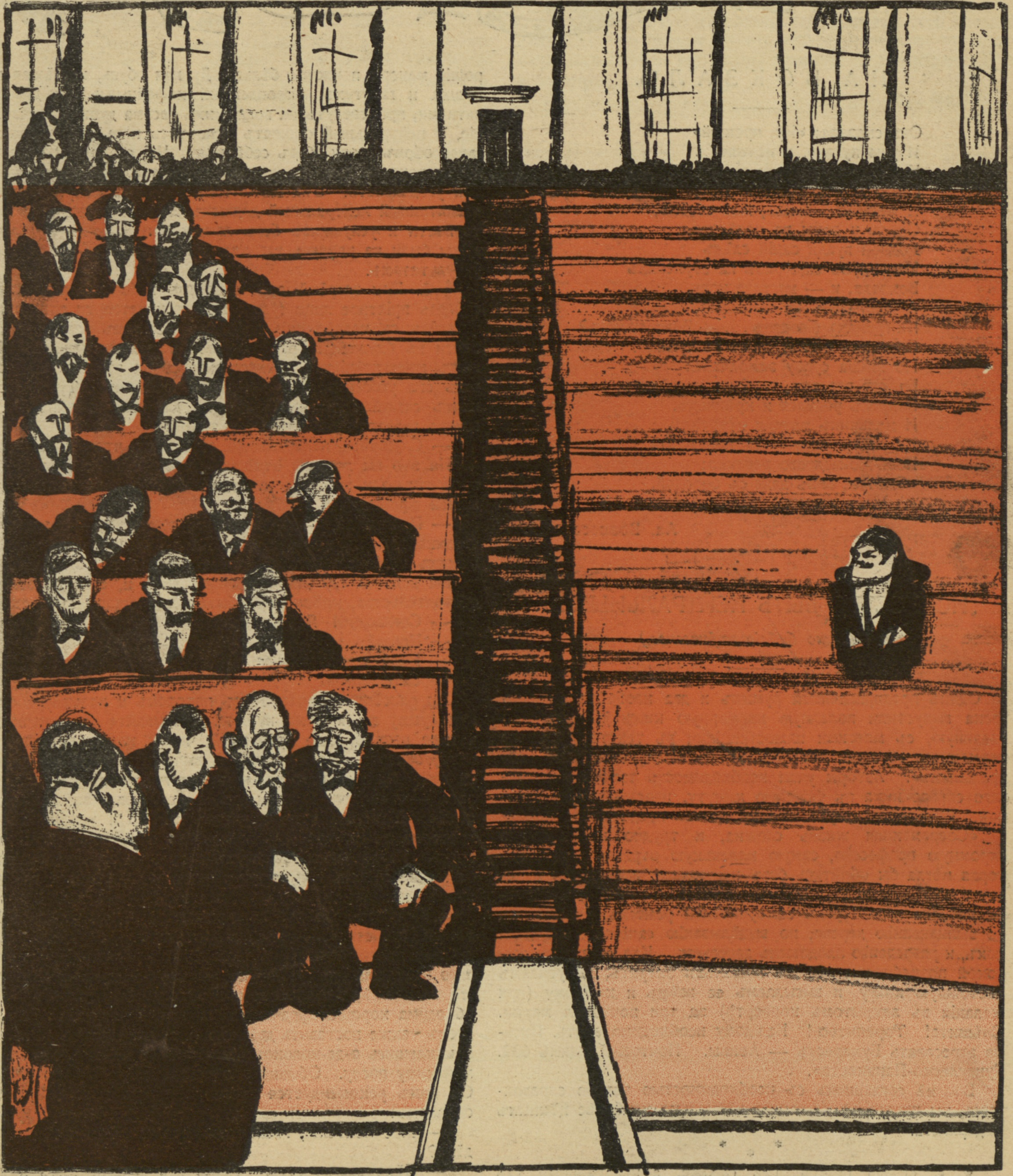
ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 24

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
9 ЮНЯ

Рис. Ре-ми.

С Д В И Г Ъ Н А Л Ъ В О.

Милюковъ: — Послушайте, Пуришкевичъ!.. Чего вы сюда съли, на лѣвую сторону?

Пуришкевичъ: — А вы подвиньтесь, на той сторонѣ такъ противно, что не высидѣть!..

НА ВОКЗАЛѢ.

Она сказала: «Ну, прощай»
И улыбнулась, и исчезла...
Какъ прежде, люди пили чай,
Везли передвижное кресло,
И мальчикъ Миша, мой сосѣдь,
Оралъ у дамы на колѣняхъ...
Родной вуали синій слѣдь
Мелькнулъ еще разъ на ступеняхъ
Вокзала, и — настала ночь.
А день сіялъ на чемоданѣ,
На граняхъ блюдоць... — Вамъ помочь?
Спросилъ я даму, какъ въ туманѣ.
Но Миша сразу замолчалъ:
Въ его глазахъ, глубоки и свѣтель,
Вопросъ родился и крѣпчалъ.
И мальчикъ матери отвѣтилъ
На всѣ упреки — съ простотой
Извѣчно-мудраго ребенка:
«Смотри, вонъ дядя съ бородой,
«А тоже плачетъ, какъ дѣвчонка...»

Ал. Вознесенскій.

„ИСКУССТВО БЫТЬ НЕЙТРАЛЬНЫМЪ“.

(Нѣчто библиографическое.)

Одинъ предприимчивый румынъ и два изобрѣтательныхъ грека выпустили полезную карманную книжку, чистенько изданную, съ многими иллюстраціями въ текстѣ, удобнаго карманнаго образца, подъ заглавіемъ «Искусство быть нейтральнымъ». Авторы учли необходимость такого популярнаго справочника въ тяжелую минуту, переживаемую Европой. Вотъ что пишутъ они въ своемъ предисловіи:

«Современная жизнь сложна, и трудно найти самую скромную профессію, самую маленькую отрасль труда, которая могла бы обойтись безъ нагляднаго, доступнаго и недорогого руководства. Взгляните на газетныя объявленія — вы найдете цѣлый рядъ самоучителей ремеслъ, учебниковъ по выпиливанію дерева, по выдѣлыванію сапожныхъ подметокъ, и разведенію плодовыхъ деревьевъ. Идя навстрѣчу широкой потребности, мы, не пожалѣвъ затратъ, выпускаемъ настоящую книгу и высылаемъ ее всѣмъ и каждому (при желаніи въ закрытомъ конвертѣ) за три почтовыхъ марки. Спѣшите! Торопитесь! Каждому необходимо знать. Письма адресовать Бухарестъ — Аѳины. Почтовый ящикъ 632. Гундулеско-Папакоста».

Вполнѣ соглашаясь съ необходимостью такого справочника, мы приводимъ изъ него нѣсколько наиболѣе цѣнныхъ выдержекъ.

* * *

§ 1. «Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а нейтральный, гдѣ лучше», — такъ гласитъ старая поговорка, и она, безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ на главный вопросъ о поведеніи нейтральнаго.

Нейтральный долженъ стараться быть вѣжливымъ, воспитаннымъ и приличнымъ. Необходимо знаніе языковъ, хо-

рошія манеры и чистое бѣлье. Дурная обувь, несвѣжая манишка и галстухъ, окропленный кофейными или другими пятнами, произведутъ на воюющихъ весьма дурное впечатлѣніе, и нейтральный сможетъ испортить карьеру, сквернымъ гардеробомъ сразу сбивъ себѣ цѣну. Но, съ другой стороны, мы не рекомендуемъ начинающему нейтральному и чрезмѣрной угодливости. Это опять-таки сбиваетъ цѣну. Хорошо воспитанный нейтральный долженъ быть вѣжливъ безъ приторности и услужливъ безъ лакейства. Прикорбные примѣры были на нашихъ глазахъ и приводили къ печальнымъ результатамъ.

§ 2. При встрѣчѣ съ воюющимъ нейтральный долженъ сдѣлать пріятное лицо (улыбка въ три четверти рта) и поздравить съ послѣдними побѣдами. Затѣмъ рекомендуется зайти въ ближайшій ресторанъ и, воспользовавшись пріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на воюющаго, заставить его угостить васъ хорошимъ обѣдомъ. Тутъ наступаетъ самый серьезный моментъ для нейтральнаго. Разговоръ ведется приблизительно такой:

— Слушайте, нейтральный, вы знаете, что мы побѣдили?

На это вы должны отвѣтить, что не только знаете, но предсказывали это еще двѣнадцать лѣтъ назадъ въ статьѣ вашей официальной газеты.

— Прекрасно, — продолжаетъ воюющій, — тогда присоединяйтесь къ намъ, и мы обѣщаемъ вамъ осуществленіе вашихъ національныхъ задачъ, поруганныхъ Германіей.

Вы должны сдѣлать умиленное лицо и, если позволяетъ обстоятельства, крѣпко облобызать воюющаго, съ крикомъ:

— Согласенъ! Я выступаю!

— Когда?

— Надо приготовиться.

— Сколько?

Вы разсѣянно смотрите въ потолокъ и называете крупную сумму съ многими нулями. Называйте ее, конечно, въ четыре раза больше требуемой, чтобы имѣть возможность поторговаться. Когда воюющій выпишетъ чекъ, вы должны съ граціозной небрежностью засунуть его въ карманъ жилета, — и съ этой минуты держите себя развязнѣе и независимѣе. Требуйте вина, дорогихъ сигаръ и упорно настаивайте на томъ, что хорошій обѣдъ немислимъ безъ женщинъ. Когда лакеи принесутъ счетъ, вы можете сослаться на головную боль или на экстренное дѣло, которое требуетъ вашего немедленнаго присутствія въ другомъ концѣ города.

§ 3. «Гора съ горой не сходится, а нейтральный съ Германіей сойдется», — эта старая поговорка какъ нельзя лучше предусматриваетъ дальнѣйшее поведеніе осторожнаго нейтральнаго. Получивъ чекъ и немедленно размѣнявъ его въ банкѣ, вы должны обновить свой гардеробъ — необходима хорошая фракная пара, новый цилиндръ; рекомендуемъ также поставить двѣ золотыхъ коронки въ ротъ. Попрыскавшись о-де-колономъ и побрившись, вы ѣдете къ германскому послу. Обычно это человѣкъ грубый, но дѣловой. Съ нимъ рекомендуется вести разговоръ нижеслѣдующимъ образомъ:

— Мое почтеніе, господинъ посоль. Есть какое-нибудь дѣло?

— Дѣло всегда есть. Тамъ, гдѣ деньги, тамъ и дѣло, тамъ, гдѣ дѣло, тамъ и деньги.

— Но я уже обѣщаль союзникамъ...

— Сколько?

Вы увеличиваете сумму чека, прибавляя къ нему три нуля.

— Вы врете.

— Я хочу указать господину послу, что это выражение не совсем дипломатичное, — вѣжливо указываете вы.

— Что за миндальничанье! Вотъ вамъ чекъ. Я покупаю.

Вы корректно, но холодно приподымаете цилиндръ и ѣдете въ банкъ мѣнять чекъ.

§ 4. Еще одна старая поговорка гласитъ, что «Не имѣй сто друзей, а имѣй сто рублей». Путемъ вышеописанныхъ переговоровъ нейтральный становится обладателемъ крупной суммы денегъ. Но онъ, конечно, не долженъ сразу рѣзко мѣнять образъ своей жизни. Это можетъ вызвать зависть сосѣдей, интриги и недоброжелательство. Автомобиль завести можно, но открытый; особнякъ покупать рано; также несвоевременно появляться въ общество нѣсколькихъ артистокъ сразу. Всему свое время — ничто не убѣжитъ.

§ 5. Главное искусство заключается въ томъ, чтобы, по возможности, дольше получать деньги съ обѣихъ сторонъ. Но такъ какъ каждая сторона будетъ все настойчивѣе требовать выступленія, то нужно каждый разъ придумывать все новые и новые мотивы. Хорошо ссылаться на отсутствіе средствъ передвиженія, на неурожай, на слабую рождаемость, на больныя ноги, необходимость полѣчить зубы и принять курсъ сѣрныхъ ваннъ. Наконецъ наступаетъ критическій моментъ. Союзники — люди весьма порядочные, но черезчуръ честные. Они дали вамъ деньги и думаютъ, что этого достаточно. Честные люди вообще плохіе коммерсанты. Союзники вамъ больше уже ничего не дадутъ; они думаютъ, что уговоръ дороже денегъ. Но вы, конечно, не можете и не должны соглашаться съ этимъ софизмомъ и снова ѣдете къ германскому послу. Онъ принимаетъ васъ сурово, не подаетъ руки и обращается на ты.

— Ну что, нейтральная харя? Или отдавай деньги обратно, или заключай экономическій договоръ.

Вы, какъ человѣкъ воспитанный, поймете выражение «харя», какъ специфическое нѣмецкое привѣтствіе, пріятно улыбнетесь и вѣжливо отвѣтите:

— Нельзя ли прибавить, ваше сіятельство? Дороговизна жизни, тяжелыя условія заработной платы, желѣзный законъ производства...

Германскій посолъ суетъ вамъ новый чекъ, вы элегантно подписываете экономическое соглашеніе и удаляетесь, напѣвая французскую шансонетку.

Черезъ нѣсколько дней изъ Берлина вамъ везутъ товары,

а союзники не узнаютъ васъ на улицѣ. Но вы не должны этимъ смущаться, и при первой же возможности ловите французскаго или англійскаго посла и шепчете ему на ухо:

— Мосье... сэръ... есть хорошее дѣло. Это вамъ будетъ стоить сушіе пустяки. Не хотите? Напрасно! Прекрасное дѣло. Вѣрите мнѣ, вы не пожалѣете. Цѣна совсемъ умѣренная...

Результатъ бываетъ двоякій — либо вамъ вѣрятъ — тогда вамъ повезло, либо вамъ не вѣрятъ — тогда испорченный цилиндръ вы можете показывать знакомымъ, какъ жертву брошенной съ аэроплана бомбы.

§ 6. Нейтральные должны образовать профессиональный союзъ или кооперативъ, потому что «нейтральный нейтрального видитъ изъ угла дальняго». Кооперативъ этотъ основывается на артельныхъ началахъ...

* * *

Мы взяли первые нѣсколько параграфовъ этого прекраснаго полезнаго изданія. Книга издана тщательно, опечатокъ мало, иллюстраціи выполнены лучшими художниками. Цѣна недорогая.

Бор. Мирскій.

МАЙ ПЛАЧЕТЪ.

Какъ хорошо въ день сѣрый и дождливый
На столикъ высыпать костяшки домино,
Не слыша за игрой уютно-молчаливой,
Какъ вѣтеръ треплетъ на балконѣ полотно.
Какъ хорошо у яркаго камина
Съ утра весь день перевернуть вверхъ дномъ,
И, штору опустивъ надъ плачущимъ окномъ,
Пить кюрасо и чистить апельсины.
Какъ хорошо до вечера лѣниться,
И, толстой «Нивы» за восьмидесятый годъ
Читая желтыя и мятыя страницы, —
Весь день съ утра вертѣть наоборотъ.

Лидія Лѣсная.

СТРАННИКА СЛУШАЮТЪ.

Рис. Ре-ми.

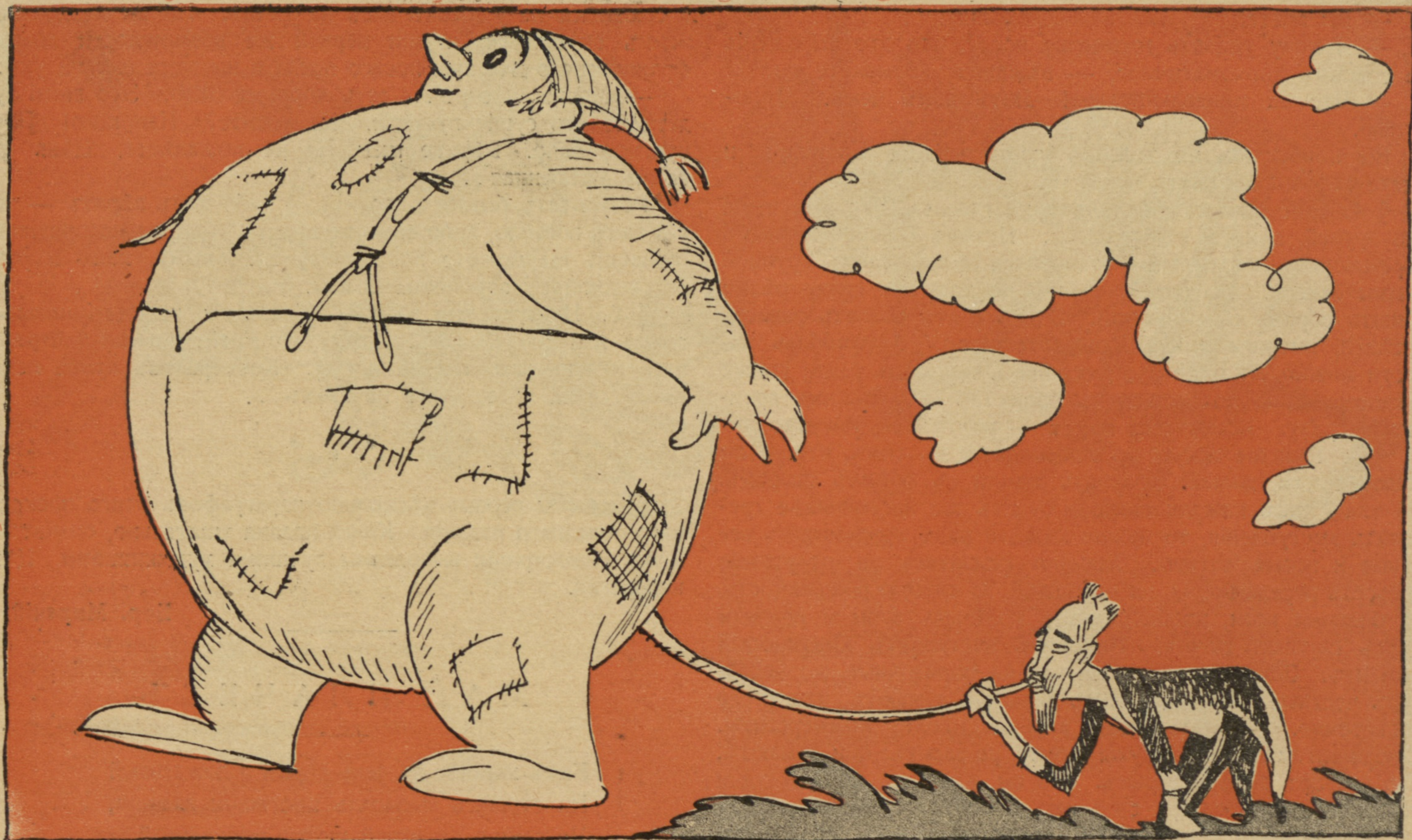
Такъ же и в "д"

2011г.

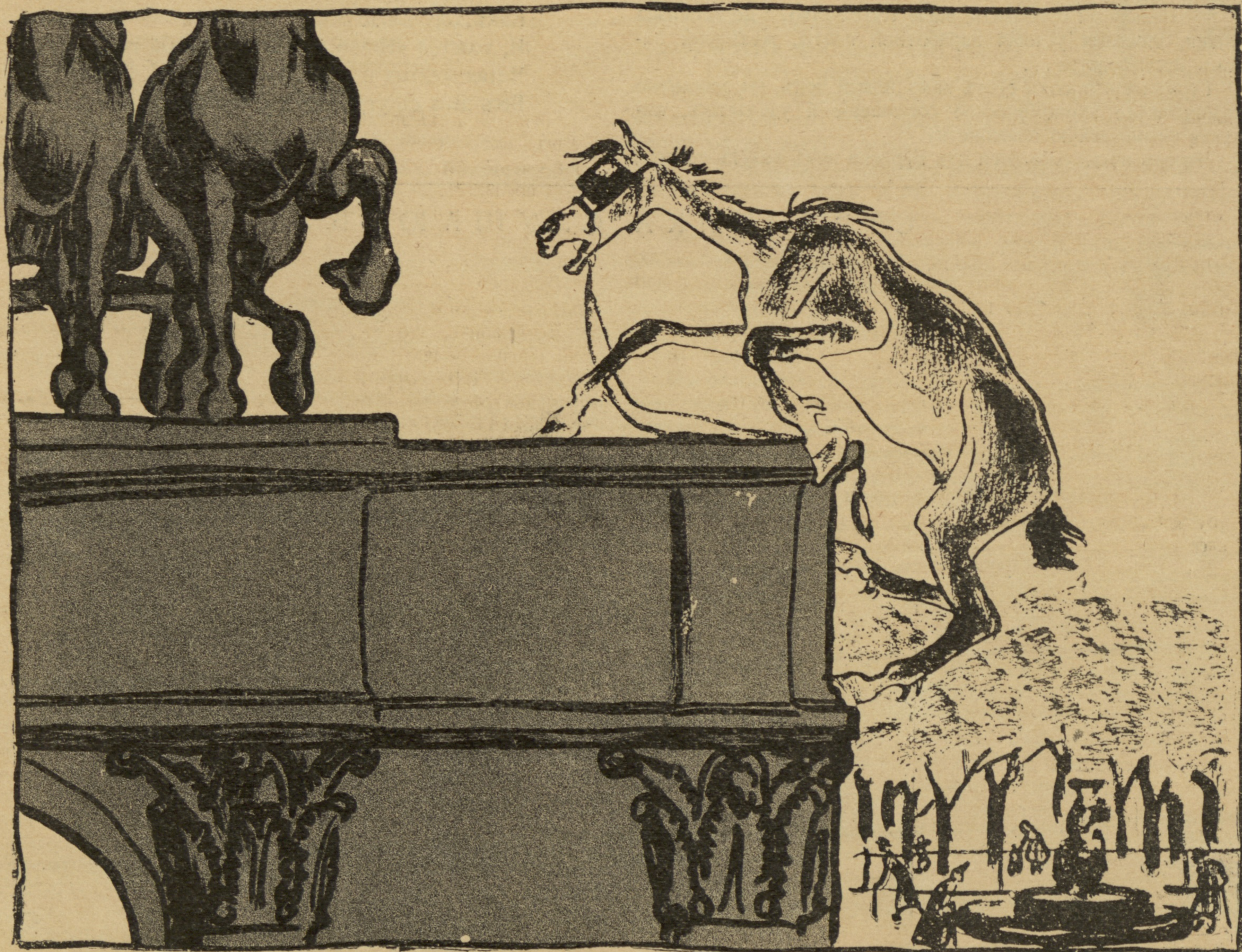
... И вотъ, милые вы мои, видѣлъ я въ странѣ Абесинской чудо-птицу Тарараву: сносить она ежедневно, еженощно по яйцу, а яйцо то величиной съ голову человѣчью. Съѣшь десяточекъ, и таково это вкусно, что...

— Постой, отецъ, постой: нешто можешь ты сразу съѣсть десятокъ яицъ съ человѣчью голову?...

— Да оно, милые мои, если правду сказать, и голова человѣчья въ тѣхъ мѣстахъ такая, что и смотрѣть не на что!...

Надувають Михеля.

ВЪ БЕРЛИНЪ ЪДЯТЬ КОНСКОЕ МЯСО . . .

Лошадь: — Стану-ка я потихоньку рядомъ съ этими бронзовыми . . . Авось не замѣтятъ снизу.

НОСТУРНЕ.

(Дачная идиллия.)

Гдѣ-то цвѣль орѣшникъ... Липко капаль
 На землю зеленый медь луны...
 Чучело, посаженное на колъ
 На бахчѣ, расправило штаны,
 И мечтало съ вѣрою послѣдней
 О принцессѣ на бахчѣ сосѣдней...
 Черезъ мигъ на влажное крыльцо
 Свѣтъ упаль къ ступенькамъ незнакомымъ...
 Чье-то остро скорчилось лицо,
 Что-то грузно ткнулось въ грядки комомъ...
 Гость? Хозяинъ?.. Все равно —
 Фактъ, что кто-то вылетѣль въ окно!
 Подавился кашлемъ грачь... Сплетаеть
 Дымъ костра у рощицы кусты...
 Розовая дѣвочка... Гдѣ — ты?...
 Отчего такъ сердце замираеть?...
 Чей-то голось звонко утѣшаеть:
 «Въ ма-а-аей милкѣ семь пу-у-довъ.
 Не-е-бо-и-т-ся вер-блю-довъ!..»
 Утѣшилъ!...
 Лунная ночь...

Сергѣй Михѣевъ.

ТО ЖЕ САМОЕ.

Когда-то за убійство негра расплачивались деньгами.
 — Сэръ! Вы, кажется, убили моего Тэнни?
 — Какого Тэнни?.. Я не трогаль вашихъ собакъ.
 — Это была не собака, а негръ.
 — А, негръ... Ну, убилъ.
 — Это пахнетъ для васъ ста долларами. Тэнни былъ
 превосходный бочаръ и кровельщикъ.
 — Сто? Куда прикажете доставить? Я не могу оста-
 ваться долженъ за какую-то черную скотину.
 Это было очень нехорошее время. Особенно для каждаго
 негра, который зналь, что его жизнь всегда можетъ быть
 уравнена долларами.
 А для горячаго сэра съ заряженнымъ пистолетомъ и горя-
 чимъ характеромъ потеря сотни долларовъ не представляла
 особаго бюджетнаго ужаса.
 Я часто вспоминаю объ этой системѣ законнаго удовле-
 творенія негритянскихъ хозяевъ, когда читаю въ газетахъ
 объ оштрафованіи купцовъ и купечествующихъ за вздуваніе
 цѣнь и сахалинскіе продѣлки съ товарами.
 Въ Москвѣ передъ введеніемъ таксы на обувь, послѣдняя
 не стала дожидаться первой. Какъ сообщили газеты, вся
 обувь исчезла.
 Владѣльцевъ магазиновъ навѣрное оштрафуютъ.
 — Гдѣ же у васъ обувь?
 — Нѣтъ обуви. И не было ея никогда.
 — Недѣлю же назадъ у васъ было все завалено...
 — Сразу и раскупили. Одинъ штукъ пятьсотъ взяль,
 другой штукъ пятьсотъ взяль... Третій штукъ... Однимъ
 словомъ, какой прикажете штрафъ заплатить?
 — Да ужъ вы у меня заплатите.
 — Да ужъ мы у васъ заплатимъ. Тысячу?
 — Извините-сь. Три.
 — Бумажками разрѣшите, или чекъ на банкъ выдать?
 — Бумажками. Мы васъ еще поштрафуетъ...
 — Сдѣлайте одолженьеце. Ежели нашего брата не штра-
 фовать, да что съ нами будетъ. До свиданьяца. Ушелъ? И
 прекрасно... А ну-ка, Митька, останься-ка сегодня на ночь
 цѣны переписывать. На шавровыя, значить, два рублика под-
 кинь... На дамскія по четыре, а на...
 Тысячи три паръ ботинокъ имѣются. По два рубля на
 пару — вотъ и шесть тысячъ. Два рубля съ васъ, два рубля
 съ меня, два съ Марьи Николаевны, которой ботинки нужны.
 А все вмѣстѣ армянская загадка: кто оштрафованъ?
 Совершенно вѣрно, что въ хроникѣ оштрафованныхъ въ
 утренней газетѣ не будетъ стоять нашей фамилии, но купцы
 очень любятъ, чтобы ихъ пропечатали. Навѣрное, еще газет-
 ку сохранить, чтобы за вечернимъ чаемъ передъ знакомыми
 похвастаться.
 — И какъ это они умѣютъ... Мѣстный, молъ, купецъ
 такой-то... Съ имемъ-фамиліей полностью... На три ты-

сячи... Поди чай Еропкины читають да пыхтятъ отъ зло-
 сти — въ гору молъ Шишихинъ лѣзеть...
 Больше никакихъ ни моральныхъ, ни матеріальныхъ ре-
 зультатовъ.

* * *

И вотъ сегодня въ газетѣ замѣтка:
 ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Домовладѣлецъ-милліонеръ Л—кій
 арестованъ губернаторомъ на 3 мѣсяца, безъ замѣны штра-
 фомъ, за повьшеніе квартирной платы.
 Это уже со вспльчиваго сэра потребовали за убитаго не-
 гра болѣе чѣмъ сто долларовъ звонкой монетой. Я не при-
 выкъ радоваться губернаторскимъ штрафамъ, но на этотъ
 разъ я за губернатора.
 Представьте себѣ такую жанровую картинку.
 — Это вы домовладѣлецъ Яликовъ?
 — Я домовладѣлецъ Яликовъ.
 — Очень пріятно. Садитесь.
 — Куда прикажете?
 — А гдѣ мѣсто есть. Можетъ быть, въ городской, мо-
 жетъ быть въ пересыльной.
 — Меня? За что?
 — Пустяки. Квартирный вопросъ. За три мѣсяца отсид-
 ки все поймете.
 И дѣйствительно — за три мѣсяца человѣкъ начинаетъ
 понимать, что набавлять за квартиры въ своихъ пяти домахъ
 можно, но за это, въ такое время какъ сейчасъ, полагается
 три мѣсяца. Еще разъ надбавить — еще мѣсяць зарабо-
 таеть.

По доброму почину екатеринославскаго губернатора по
 всей Россіи разлетится первая такса, которую запомнятъ всѣ
 и которая будетъ скрижалю для хамовъ.

Такса на преступленія первой необходимости:

	Мѣсяцы.	Дни.
Надбавка на квартирныя цѣны.	3	—
Скрытие пищевыхъ припасовъ.	4	15
» обуви	2	10
Подниманіе цѣнь на хлѣбъ.	8	20
Спекуляція съ лѣкарствами.	11	—

Люди будутъ сидѣть по таксѣ. Не обидно и освѣжать
 общественный организмъ.

* * *

Есть цѣлыя предпріятія, къ которымъ не примѣняется да-
 же штрафъ, въ силу ихъ законности, но о которыхъ уже есть
 одна очень характерная газетная замѣтка:

«Передаютъ, что администраціи предложено будетъ не
 давать разрѣшеній на увеселенія съ благотворительной цѣлью,
 гдѣ назначаются призы за наряды, устраиваются конкурсы
 и пр.».

Большей нелѣпости, чѣмъ фактъ существованія такихъ
 призовъ въ наше время трудно представить.

Вообразите, что по всему городу расклеены анти-холер-
 ныя предупрежденія:

— Не пейте сырой воды —
 а въ центрѣ города вбитъ громадный столбъ, на которомъ
 примостился громадный плакатъ.

— Состязаніе водопійць. Каждому, выпившему больше
 десяти стакановъ сырой воды, будетъ въ воскресенье выданъ
 цѣнный призъ! Первый разъ въ нашемъ городѣ!

Какъ къ этому должны отнестись умные люди — говорить
 излишне... А между тѣмъ умные люди проглядываютъ га-
 зетные столбцы и въ промежуткахъ между замѣтками о борь-
 бѣ съ роскошью съ интересомъ проглядываютъ о вещахъ и
 даже специальныхъ гуляньяхъ съ призами за лучшую шляпку,
 лучшее платье...

Послѣ такого объявленія очень пріятно читать статьи съ
 хорошимъ заглавіемъ: организація тыла.

* * *

Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, который хочетъ на-
 писать веселый фельетонъ и берется за злободневныя темы.
 Злобы у настоящаго дня слишкомъ много...

Арк. Буховъ.

Рис. Миссъ.

А Н Г Л И И.

Про Полинезию, про бумерангъ ли я
Читалъ, склонясь надъ пестрой картой,
Я зналъ, что есть на свѣтѣ Англія,
Такъ чудно схожая съ античной Спартой.

Я былъ влюбленъ, признаюсь робко вамъ,
И красочнымъ казался бредомъ
Мнѣ европеецъ въ шлемѣ пробковомъ,
Въ костюмѣ клѣтчатымъ, съ тяжелымъ пледомъ.

Пусть каннибаль еще и дикъ въ лѣсу
А лукъ сжимаетъ въ гнѣвѣ руку —
Любовно вѣрю сэру Диккенсу
И мореплавателю Куку.

Великой Пристани — хозяйки — Лондона,
Тебѣ съ твоимъ несчетнымъ флотомъ,
Тебѣ владѣть морями отдано
По всѣмъ долготамъ и широтамъ.

Овѣянъ зюйдами и нордами
Морякъ твой — Томми хмурилицей...
Люблю тебя съ твоими лордами,
Съ романтикой твоихъ традицій.

Твоя породистость вселенская
Европѣ старой не ясна ли?
Красиво-гордая, умно-спортсменская,
Горжусь твоимъ союзомъ съ нами.

Когда за миръ всечеловѣческій
Придетъ конецъ кошмарной страдѣ —
Я жду — твой честный флагъ купеческій
Всѣхъ выше будетъ въ Петроградѣ.

Валентинъ Горянскій.

РАЗГОВОРЪ ВЪ ШКОЛѢ.

Разсказъ Арк. Аверченко.

Нельзя сказать, чтобы это были два враждующихъ лагеря. Нѣтъ — это были просто два противоположныхъ лагеря. Два непонимающихъ другъ друга лагеря. Два снисходительно относящихся другъ къ другу лагеря.

Одинъ лагерь заключался въ высокой, блѣдной учительницѣ «школы для мальчиковъ и дѣвочекъ», другой лагерь былъ числомъ побольше. Раскинулся онъ двумя десятками стриженныхъ или украшенныхъ скудными косичками головокъ, склоненныхъ надъ ветхими партами... Всѣ головы, какъ единообразно вывихнутыя, скривились на лѣвую сторону, всѣ языки были прикушены мелкими мышинными зубенками, а у Рюхина Андрея отъ излишка вниманія, даже тонкая нитка слюны изъ угла рта выползла.

Скрипъ грифелей, запахъ полувысохшихъ чернилъ и вздохи, вздохи — то облегченія, то натуги и напряженія — вотъ чѣмъ наполнялась большая полутемная комната.

А за открытымъ окномъ, вызолоченныя до половины солнцемъ — качаются старыя акаціи, а какая-то задорная суетливая пичуга раскричалась въ зелени такъ, что за нее дѣлается страшно — вдругъ разрывъ сердца! А издали съ рѣвки доносятся крики купающихся мальчишекъ, а лучи солнца, ласковые, теплые, какъ рука матери, проводящая по головкѣ своего любимца, лучи солнца льются съ синяго неба. Хорошо, чортъ возьми! Завизжать бы что-нибудь, захрюкать и камнемъ вылетѣть изъ пыльной комнаты тихаго училища — побѣжать по сонной отъ зноя улицѣ, выдѣлывая ногами самыя неожиданныя курбеты.

Но нельзя. Нужно учиться.

Неожиданно, среди общей творческой работы Кругликову Капитону приходитъ въ голову сокрушительный вопросъ:

— А зачѣмъ, въ сущности, учиться? Дѣйствительно ли это нужно?

Кругликовъ Капитонъ человѣкъ смѣлый и за словомъ въ карманъ не лѣзетъ.

— А зачѣмъ мы учимся? — спрашиваетъ онъ, въ упоръ глядя на прохаживающуюся по классу учительницу.

Глаза его округлились, выпуклились, отчасти отъ любопытства, отчасти отъ ужаса, что онъ осмѣлился задать такой жуткій вопросъ.

— Чудакъ, ей Богу, ты человѣкъ, — усмѣхается учительница, проводя мягкой ладонью по его головѣ противъ шерсти. — Какъ зачѣмъ? Чтобы быть умными, образованными, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ окружающемъ.

— А если не учиться?

— Тогда и культуры никакой не будетъ.

— Это какой еще культуры?

— Ну... такъ тебѣ трудно сказать. Я лучше всего объясню на примѣрѣ. Если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Йоркѣ...

— Я была, — раздается тонкій пискъ у самой стѣны.

Всѣ изумленно оборачиваются на эту отважную путешественницу. Что такое? Почему? Откуда?

Очевидно, въ школахъ водится особый школьный бѣсенокъ, который вертится между партами, толкаетъ подъ руку и выкидываетъ, вообще, всякіе кренделя, которые потомъ сваливаетъ на ни въ чемъ неповинныхъ учениковъ... Очевидно, это онъ дернулъ Наталью Пашкову за жиденькую косичку, подтолкнулъ въ бокъ, — шепнулъ: «Скажи, что была, скажи!».

Она и сказала.

— Стыдно врать, Наталья Пашкова. Ну, когда ты была въ Нью-Йоркѣ? Съ кѣмъ?

Наталья рада бы сквозь землю провалиться: дѣйствительно — чортъ ее дернулъ сказать это, но слово, что воробей: вылетитъ, не поймаетъ.

— Была... Ей Богу, была... Позавчера... съ папой.

Ложь, сплошная ложь: и папы у нея нѣтъ, и позавчера она была, какъ и сегодня, въ школѣ, и до Нью-Йорка три недѣли ѣзды.

Наталья Пашкова легко, безъ усилий, разоблачается всѣмъ классомъ и, плачущая, растерянная, окруженная общимъ молчаливымъ презрѣніемъ — погружается въ ничтожество.

— Такъ вотъ, дѣти: если бы кто-нибудь изъ васъ былъ въ Нью-Йоркѣ, онъ бы увидѣлъ огромные многоэтажные дома, сотни несущихся вагоновъ трамвая, электричество, подъемныя машины и все это — благодаря культурѣ. Благодаря тому, что пришли образованные люди. А знаете, сколько лѣтъ этому городу? Лѣтъ сто-полтораста — не больше!!

— А что было раньше тамъ? — спросилъ Рюхинъ Андрей, выгибая натруженную работой спину такъ, что она громко затрещала: будто орѣхи кто-нибудь просыпалъ.

— Раньше? А вотъ вы сравните, что было раньше: раньше былъ непроходимый лѣсъ, перепутанный лианами. Въ лѣсу разное дикое звѣрье, пантеры, волки, лѣсъ переходилъ въ дикіе луга, на которыхъ бродили огромные олени, бизоны, дикія лошади... А, кромѣ того, въ лѣсахъ и на лугахъ бродили индѣйцы, которые были страшнѣй дикихъ звѣрей — убивали другъ друга и бѣлыхъ, и снимали съ нихъ скальпы. Вотъ вы теперь и сравните, что лучше: дикіе поля и лѣса со звѣрьемъ, индѣйцами, скальпами, безъ домовъ и электричества или — широкія улицы, трамваи, электричество и полное отсутствіе дикихъ индѣйцевъ?!

Учительница однимъ духомъ выпалила эту тираду и побѣдоносно оглядѣла всю свою комнату: что, молъ, съѣли?

— Вотъ видите, господа... И разберите сами: что лучше — культура или дикое житье? Ну, вотъ ты, Кругликовъ Капитонъ... Скажи ты: когда, значитъ, лучше жилось: тогда или теперь?

Кругликовъ Капитонъ всталъ и, послѣ минутнаго колебанія, пробубнилъ, какъ майскій жукъ:

— Догда лучше.

— Что?! Да ты самъ посуди, чудакъ: раньше было плохо, никакихъ удобствъ, всюду звѣри, индѣйцы, а теперь дома, трамваи, подъемныя машины... Ну? Когда же лучше — тогда или теперь?

— Догда.

— Ахъ ты, Господи... Ну, вотъ ты, Полторацкій — скажи ты: когда было лучше: раньше или теперь?

Полторацкій, недовѣрчиво, исподлобья, глянулъ на учительницу (а вдругъ единицу вкатить) и увѣренно сказалъ:

— Раньше лучше было.

— О, Богъ мой? Слизняковъ, Гавриль!

— Лучшее было. Раньше.

— Прежде всего — не раннее, а раньше. Да что вы, господа, — затменіе у васъ въ головѣ, что ли? Тутъ вамъ и дома и электричество...

— А на что дома? — цинично спросил толстый Фитюковъ.

— Какъ на что? А гдѣ же спать?

— А у костра? Завернулся въ одѣяло и спи сколько влѣзетъ. Или въ повозку залѣзъ. Повозки такія были. А то подумаешь: дома!

И онъ поглядѣлъ на учительницу не менѣе побѣдоносно, чѣмъ до этого смотрѣла она.

— Но вѣдь электричества нѣтъ, темно, страшно...

Семень Заволдаевъ снисходительно поглядѣлъ на разгорячившуюся учительницу...

— Темно? А костеръ вамъ на что? Лѣсу много — жги сколько влѣзетъ. А днемъ и такъ себѣ свѣтло.

— А вдругъ звѣрь подберется.

— Часового съ ружьемъ нужно выставять, вотъ и не подберется. Дѣло извѣстное.

— А индѣйцы подберутся сзади, схватятъ часового да на васъ...

— Съ индѣйцами можно подружиться. Есть хорошія племена, приличныя...

— Делаварское племя есть, — поддержалъ кто-то сзади. — Они бѣлыхъ любятъ.

— Въ крайнемъ случаѣ, можно на мустангѣ ускакать.

Стриженныя головы сдвинулись ближе, будто чѣмъ-то объединенныя, — и голоса затрещали, какъ сотня воробьевъ на вѣткахъ акацій:

— А въ городѣ вашемъ одного швейцара на лифтѣ раздавило... Вотъ вамъ и городъ.

— А въ городѣ мальчикъ недавно подѣ трамвай попалъ!

— Да просто у городѣ у вашемъ скучно — вотъ и все, — отрубилъ Слизняковъ Гаврииль.

— Скверные вы мальчишки — просто вамъ не приходило бы быть въ лѣсу среди дикихъ звѣрей — вотъ и все.

— А я была, — пискнула Наталья Пашкова, которую не оставлялъ въ покоѣ школьный бѣсъ.

— Вретъ она, — загудѣли ревнивые голоса. — Что ты все врешь да врешь. Ну, если ты была — почему тебя звѣри не съѣли, ну, говори?

— Станутъ они всякую заваль лопать, — язвительно пробормоталъ Кругликовъ Капитонъ.

— Кругликовъ!

— А чего жъ она... Вы же сами говорили, что врать грѣхъ. Вретъ, ей Богу, все время.

— Не врать, а лгать. Однако, послушайте: вы, очевидно, меня не поняли... Ну, какъ же можно говорить, что раньше было лучше, когда теперъ есть и хлѣбъ, и масло, и сахаръ, и пирожное, а раньше этого ничего не было...

— Пирожное?!!

Ударъ былъ очень силенъ и мѣтокъ, но Кругликовъ Капитонъ быстро отъ него оправился.

— А плоды разные: финики, бананы—вы не считаете? И покупать не нужно—ѣшь, сколько влѣзетъ. Хлѣбное дерево тоже есть—сами же говорили. Сахарный тростникъ. Убилъ себѣ бизона, наваяли мяса и гуляй себѣ, какъ баринъ...

— Рѣчки тамъ тоже есть, — поддержалъ сбоку опытный рыбоводъ. — Загни булавку, да лови рыбу, сколько твоей душенькѣ угодно.

Учительница прижимала обѣ руки къ груди, бѣгала отъ одного къ другому, кричала, волновалась, описывала всѣ прелести городской безопасной жизни, но всѣ ея слова отбрасывались упруго и ловко, какъ мячикъ. Оба лагеря совершенно не понимали другъ друга. Культура явно трещала по всѣмъ швамъ, энергично осажденная, атакующая индѣйцами, кострами, пантерами и блябабами...

— Просто вы всѣ скверные мальчишки, — пробормотала уничтоженная учительница, лишній разъ щегольнувъ нелогичностью, столь свойственной ея слабому полу. — Просто вамъ нравятся дикія игры, стрѣлянье изъ ружья—вотъ и все. А вотъ мы спросимъ дѣвочекъ... Клавдія Кошкина — что ты намъ скажешь? Когда лучше было — тогда или теперъ?

Отвѣтъ былъ ударомъ грома при ясномъ небѣ:

— Тогда, — качнувъ отрывкомъ косички, сказала веселая, блѣднолицая Кошкина.

— Ну, почему? Ну, скажи ты мнѣ — почему, почему?..

— Травка тогда была... я люблю. Цвѣты были.

И обернулась къ Кругликову — признанному специалисту по дикой первобытной жизни.

— Цвѣты-то были?

— Сколько влѣзетъ было цвѣтовъ, — оживился специалистъ, — огромные были — тропическіе. Здоровенные, пахнутъ тебѣ — рви, сколько влѣзетъ.

— А въ городѣ чорта пухлага найдешь ты цвѣты. Паршивенькая роза рубль стоитъ.

Посрамленная, уничтоженная учительница заметалась въ послѣднемъ предсмертномъ усилии:

— Ну, вотъ пусть намъ Катя Иваненко скажетъ... Катя! Когда было лучше?

— Тогда.

— Почему?!!!

— Бизончики были, — нѣжно проворковала крохотная дѣвочка, умильно склонивъ свѣтлую голову на бокъ.

— Какіе бизончики? Да ты ихъ когда-нибудь видѣла?

— Скажи: видѣла! — шепнула, подталкиваемая бѣсомъ Пашкова.

— Я ихъ не видѣла, — призналась простодушная Катя Иваненко. — А только они, навѣрное, хорошенькіе...

И, совсѣмъ закрывъ глаза, простонала:

— Бизончики такіе... Мохнатенькіе, съ мордочками. Я бы его на руки взяла и въ мордочку поцѣловала...

Кругликовъ — специалистъ по дикой жизни — дипломатично промолчалъ насчетъ неосуществимости такого букволическаго намѣренія сентиментальной Иваненко, а учительница нахмурила брови и сказала срывающимся голосомъ:

— Ну, хорошо же! Если вы такіе — не желаю съ вами и разговаривать. Кончайте рѣшеніе задачи, а кто не рѣшитъ — пусть тутъ сидитъ хоть до вечера.

И снова наступила тишина.

И всѣ рѣшили задачу, кромѣ бѣдной, чистой сердцемъ, Катерины Иваненко: бизонъ все время стоялъ между ея глазами и грифельной доской.

Сидѣла, маленькая, до сумерекъ.

Арк. Аверченко.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

9.

Самое пустяковое происшествіе, не стоящее никакого вниманія.

На вокзалѣ, въ третьемъ классѣ, на скамьѣ, сидитъ молодой парень. Онъ дремлетъ. Голова свѣсилась на грудь, нижняя губа оттопырилась...

Каждыя нѣсколько минутъ онъ встряхиваетъ головой, но минуту спустя опять дремлетъ, и голова опять безпомощно свѣшивается...

Рядомъ съ нимъ такъ же дремлетъ старикъ. Голова у него тоже свѣшивается, но не на грудь, а на-бокъ, въ сторону парня.

И старикъ каждыя нѣсколько минутъ встряхиваетъ ею. Но напрасно: его, какъ и парня, одолеваетъ дремота.

Видно, оба ждутъ поѣзда долго. Много часовъ...

Отъ времени до времени и парень и старикъ встряхиваются энергично, рѣшительно гонятъ сонъ. Парень обалдѣло пучитъ глаза, перекалываетъ подмышкой котомку; старикъ шевелитъ и чмокаетъ губами, поправляетъ очки и крикаетъ.

Но все напрасно: черезъ минуту оба опять спятъ.

Видно, долго ждутъ...

Наконецъ, происходитъ слѣдующее: обѣимъ головамъ надоѣдаетъ безсильно свѣшиваться, а потомъ встряхиваться. По бессознательной, рефлексивной логикѣ обѣ ищутъ болѣе удобныхъ положеній. Дремлющіе бессознательно наклоняются другъ къ другу, и ихъ головы поддерживаютъ одна другую, какъ двѣ стоящія на столѣ карты...

Такъ лучше...

Оба мгновенно засыпаютъ и спятъ довольно долго. На ихъ лицахъ, вмѣсто прежней сонной одури, появляется выраженіе довольства и даже умиротворенія...

Но вдругъ раздаются звонки и рѣзкіе крики. Отходятъ поѣзда.

И старикъ и молодой вскакиваютъ. Обоимъ нужно ѣхать.

Одну секунду оба смотрятъ другъ на друга съ острымъ вниманіемъ, потомъ, торопясь, расходятся къ разнымъ выходамъ и — разъѣзжаются. Въ разныя стороны. Можетъ быть, навѣки...

Старикъ, отойдя немного, снялъ шапку и почесалъ сѣдые волосы, еще теплые отъ тепла чужой головы...

А молодой даже не почесался...

Вотъ и все это пустяковое происшествіе, не стоящее никакого вниманія.

Но я все-таки записалъ его.

Что-то въ немъ царапнуло меня по сердцу, а что именно — затрудняюсь сказать.

Ефимъ Зозуля.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Царство тьмы и дары прогресса.

„Ирк. Ж.“ по поводу ожидающейся реформы „Губернскихъ Вѣдомостей“ отмѣчаетъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни „Губ. Вѣдомостей“ въ одной изъ центральныхъ губерній. По случаю прїѣзда новаго губернатора въ Вѣдомостяхъ было напечатано такое привѣтствіе:

„Явился ты и свѣтъ прогресса, какъ солнца лучъ, блеснулъ вездѣ и спала мертвая завѣса, насъ сокрывавшая во тьмѣ. Узрѣли мы красу лазури и духомъ ожили всѣ мы, дары прогресса и культуры цѣнить мы стали въ царствѣ тьмы“...

Несмотря на „свѣтъ прогресса“ и на то, что губернаторъ даль возможность своимъ прїѣздомъ казенному редактору и иже съ нимъ „узрѣть красу лазури“ — губернаторъ все же отстранилъ губернскаго публициста отъ изданія...

Темная, темная провинція...

Только что разошелся человекъ и о лазури упомянулъ и о завѣсѣ, а ему вдругъ:

— Господинъ, не выражайтесь! Пошли вонъ, ежели такъ.

Братья писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое, какъ сказалъ коллега Некрасовъ.

Плохія дѣла.

Когда разгорается лѣсной пожаръ, то начинается паническое бѣгство всякаго звѣря; и вотъ тутъ-то — удивительное дѣло — можно наблюдать, какъ рядомъ бѣжитъ и левъ, и олень, и заяцъ, и волкъ — и никто никого не трогаетъ!

Депеша изъ Берлина сообщаетъ, что кайзеръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ бывшимъ редакторомъ социаль-демократическаго „Hamburger Volksstimme“.

По этому поводу никакъ нельзя сказать — связался чортъ съ младенцемъ.

Потому что: младенца-то нѣтъ.

Выдумали.

Оказывается есть и такія выдуманныя нѣмцами обезьяны, которыя кусаютъ своихъ же творцовъ:

Шведскій журналъ „Vesko Journalen“ сообщаетъ о неудачѣ съ новымъ изобрѣтеніемъ полковника германскаго генеральнаго штаба фонъ-Ратманомъ — ручнымъ пулеметомъ, приготовленнымъ въ видѣ „майскаго сюрприза 1916 г.“. Новый ручной пулеметъ, или, вѣрнѣе, многоствольный револьверъ полковника фонъ-Ратмана, представляетъ собою обручъ эллиптической формы, надѣваемый на четыре пальца руки въ видѣ кастета. Наружная сторона обруча снабжена четырьмя дулами; противъ каждаго дула, на внутренней части обруча, соответственно дулу придѣланы кнопки-собачки. Магазины для автоматически подаваемыхъ патроновъ прикрѣплены съ обоихъ боковъ обруча-пулемета. Благодаря легкости и портативности ручныхъ пулеметовъ каждый пулеметчикъ можетъ одновременно стрѣлять обѣими руками. Пулеметы эти стрѣляютъ лишь на короткое разстояніе и пригодны только при атакѣ и занятіи окоповъ. Однако, первый же опытъ примѣненія ихъ подъ Верденомъ оказался весьма плачевнымъ. Стрѣлки переранили пулями не столько враговъ, сколько своихъ же. Многимъ пулеметчикамъ оторвало руки.

— Хорошую я штуку выдумалъ? — спрашиваетъ самодовольно фонъ-Ратманъ.

— Нѣтъ, плохая штука.

— Какъ такъ?! Но вѣдь убиваетъ же?

— Да, но своихъ.

— Гм... да... Теперь только исправить эту деталь и все будетъ хорошо.

Изобрѣтеніе ручныхъ пулеметовъ не молитва Богу, а собственные лбы все-таки разбиваются...

Педагогическая мѣра.

Наши изобрѣтатели тоже не отстанутъ отъ фонъ-Ратмана. Даже, пожалуй, перепрыгнуть его:

По проекту совѣщанія, созваннаго кievскимъ городскимъ управленіемъ въ женскихъ гимназіяхъ, должны устраиваться собесѣдованія по вопросу о борьбѣ и способахъ предохраненія отъ венерическихъ болѣзней.

Какъ наилучше сохранять чудесныя ароматныя бѣлыя розы?

По способу кievскаго городского управленія нужно взять букетъ розъ, вымазать его дегтемъ, выколотить изъ него палкой пыль, а потомъ положить его подъ гладильную доску и самому усѣсться сверху.

Способъ — не менѣе глупый, чѣмъ собесѣдованіе съ бѣдными гимназисточками о венерическихъ заболѣваніяхъ.

Не лучше ли ужъ прямо ввести полицейскую регистрацію?

О, Кіевъ, мать городовъ русскихъ... Неужели, на твоей территоріи не живетъ ни одного психіатра?..

Отъ издательства.

Вышло въ свѣтъ 4-е изданіе книги

== „Сатириконцы въ Европѣ“ ==

Изданіе обильно иллюстрировано.

СОЮЗНИКИ.

Я пришелъ къ Вѣрочкѣ на новоселье.

— Поздравляю тебя...

— Васъ... васъ!.. Тише, тамъ слышно каждое слово! — зашипѣла Вѣрочка, указывая на стѣну.

— И пусть!..

— Тише!.. Услышать, что мы на ты, пойдутъ догадки, сплетни, пересуды...

— А кто тамъ?

— Барышня какая-то...

Я пожалъ плечами и умышленно громко сказалъ:

— Послѣ того, что между нами, ты...

Она зажала мнѣ ротъ ладонью и еще громче меня сказала:

— Можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ... нельзя такъ шутить!..

И шопотомъ добавила:

— Ради Бога не компрометируй меня... Будь хоть разъ въ жизни серьезнымъ!..

И снова громко:

— Интересная была лекція?

Я не былъ на лекціяхъ года два, но желая доставить ей удовольствіе, отвѣтилъ:

— Очень!.. Понимаешь...

— ...те!

— Понимаете...

— Понимаете!.. второе лицо множественнаго числа! — прошептала она.

— ...Понимаете, лекторъ проводилъ интересную мысль: все въ мірѣ танцуетъ; танцуютъ: земля вокругъ солнца, луна и всѣ планеты... звѣри и птицы танцуютъ въ любовномъ экстазѣ... человекъ!..

— Я о другой лекціи спрашивала! — перебила меня Вѣрочка, повидимому, не особенно довѣряя выбранной мною темѣ.

— Ахъ да!... А я думалъ — вы объ этой... Очень... занятная... и вмѣстѣ съ тѣмъ... очень... содержательная... лекція!.. — цѣлюя Вѣрочку, сказалъ я, дѣлая интервалы для поцѣлуевъ.

— Тише!.. Удивительная манера цѣловать такъ, чтобы всѣ жилыцы подсчитывали поцѣлуи... Разказывай! — шепнула она.

— ...Лекторъ удивительно тонко выхватывалъ всѣ свои образы изъ окружающаго, все у него живетъ для данного случая, родилось для данной мысли. Его искусство вылилось изъ тайниковъ его творческой силы, но облеклось въ тѣ формы, которыя ему давала видимость, самая обыденная обыденность...

Мнѣ надоѣло цитировать чьи-то фразы, удержавшіяся у меня въ памяти и теперь почему-то всплывшія, и я тѣмъ же тономъ продолжалъ, не понижая голоса, высказывать свои:

— ... Какое мнѣ дѣло до идиотки, которая интересуется тѣмъ, о чемъ мы говоримъ и что мы дѣлаемъ... Я люблю тебя, ты любишь меня, мы любимъ, слѣдовательно, другъ друга, а до того, какъ къ этому отнесутся прочіе жилыцы этой квартиры, мнѣ трижды безразлично... Чѣмъ подслушивать, она бы...

Вѣрочка зажала мнѣ ротъ долгимъ безшумнымъ поцѣлуемъ, и я такъ и не успѣлъ дать сосѣдкѣ полезнаго совѣта.

— Тише!.. — умоляюще прошептала Вѣрочка, когда я отвѣтилъ ей краткимъ, но звонкимъ поцѣлуемъ. — Можно любить, но зачѣмъ же афишировать!

— Я не афиширую, я только не желаю прятаться, стараться не шумѣть, не подавая признаковъ жизни!.. Вѣдь мы не фальшивыя кредитки печатаемъ!.. Если ты...

— Вы!

— Я? — удивился я, дѣлая видъ, что не понялъ ея поправки.

Она только указала на перегородку.

— ...Если ты, — тихо сказалъ я, — такъ боишься звонкихъ поцѣлуевъ, то почему бы тебѣ не обить ротикъ войлокомъ?..

Въ сосѣдней комнатѣ, за перегородкой, раздалось звяканье шпоръ.

Мы насторожились.

— Тише! — сказалъ женскій голосъ, — тамъ все слышно!..

— И пусть слышно! — отвѣтилъ мужской голосъ. — Вѣдь, мы не награбленное добро дѣлимъ, не разрабатываемъ плана ограбленія казначейства!.. Тебѣ...

— Ш-ш-ш!..

НЫТИКЪ ТЫЛА.

Въ судорогахъ лицо земли, изѣденное снарядами,
 Миръ наполнили злобные мстители!
 Поэты, не хвастайтесь выдуманными адами,
 Передъ днями нашими, — они тихія обители!
 Въ великихъ мукахъ люди творятъ исторію...
 А онъ, забравшись куда-нибудь въ Евпаторію,
 Философствуетъ, позѣвывая, поплеывая:
 — Займемся самоплеваніемъ.
 Это очень интеллигентно и не требуетъ затраты.
 Оплеваю себя съ глубокимъ страданіемъ
 И хороню великія утраты!
 Интеллигенція — гниль, народишко — пьяница,
 Иду дальше, — ну, а правительство?!
 Не желая мѣнять мѣсто жительства
 На мѣста отдаленныя,
 Помолчу глубокомысленно!
 Всѣ мы мелкіе, сѣрые, сонные.

Гдѣ ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ-то,
 Съ нависшимъ на пятчкѣ навозцемъ
 Кутаться въ европейское манто,
 Называть себя то богоносцемъ
 То Микулой Селяниновичемъ!
 Гдѣ ужъ тамъ, лежи, какъ грязи комъ.
 И порадоваться-то намъ не надъ чѣмъ,
 И поплакать-то намъ не о комъ!
 Не Европа мы, мы задворки Азіи,
 Жалки и отцы, и дѣти, и дѣды...
 По какой-то случайной оказіи
 Насъ не покорили самоѣды.

Въ судорогахъ лицо земли, изѣденное гранатами,
 А онъ смотритъ къ зеркало и никнетъ, какъ былинка.
 — Какъ старить меня война своими утратами:
 Вотъ еще появилась морщинка!

А. Радаковъ.

Рис. Миссъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

— ...вѣдь доставляютъ радость мои поцѣлуи, мнѣ твои...

— Тише!...

До насъ донесся явственный звукъ поцѣлуя. Мы переглянулись. Стали прислушиваться.

— ...Ты все еще во власти старыхъ предрасудковъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ буржуазныхъ семьяхъ!.. Вспомни...

— Сейчасъ о любви древнихъ народовъ скажетъ, — шепнулъ я на ухо Вѣрочкѣ.

— ...вспомни, какъ умѣли любить эллины, какъ красиво любили они, какъ...

— ...смѣло, — шепнулъ я.

— ...смѣло любили они...

— Откуда ты зналъ, что онъ это скажетъ? — удивилась Вѣрочка.

— Подумаешь! Самъ сотни разъ говорилъ...

Я еще не былъ подъ огнемъ, но, судя по описаніямъ военныхъ корреспондентовъ и участниковъ войны, я не ошибусь, если скажу: звуки частыхъ звонкихъ поцѣлуевъ за перегородкой удивительно напоминали пулеметъ въ дѣйствиіи.

Мы съ Вѣрочкой тотчасъ же поняли, что за перегородкой не враги наши, а союзники, отъ которыхъ имѣтъ секреты было бы не по-товарищески...

Исидоръ Гуревичъ.

БЕЗМЯСИЦА.

— Скажите — этотъ господинъ вегетарианецъ?

— О, да. Онъ живетъ въ Петроградѣ безвыѣздно.

Абрамовичъ снова намъ пишетъ...

По какой-то странной близорукости г. Абрамовичъ смѣшалъ обыкновенную живую женщину съ бумажной мертвой книгой:

въ своей Исторіи поэзіи онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что „первый нашъ сатирикъ кн. Антіохъ Кантемиръ умеръ, какъ извѣстно, за книгою“...

Теперь ученый критикъ Журн. Мин. Нар. Просв., разбирая книгу г. Абрамовича, дѣлаетъ, въ числѣ другихъ довольно существенныхъ поправокъ, и такую, по его мнѣнію, тоже существенную:

„Что касается Кантемира, то онъ, какъ извѣстно, умеръ не за книгою, а въ объятіяхъ своей мессъ“...

Впрочемъ, Кантемиръ могъ умереть и за книгой. При условіи, что эта книга — какое-нибудь изъ творений безтолковаго г. Абрамовича.

„Маленькая Газета“ ни при какихъ условіяхъ не можетъ разстаться со своимъ заявленнымъ въ департаментѣ торговли и мануфактуръ стилемъ.

Помѣщая письмо въ редакцію какого-то Барана, редакция сопровождаетъ это письмо такой энергичной припиской:

Отъ ред. Какъ говорится: „импай уши слышати, да по уху получить“.

Именно что: „какъ говорится“.

Кѣмъ только?

— Цыганскій романсъ? — спрашиваетъ Игорь Сѣверянинъ, изгибая станъ надъ своимъ поэтическимъ прилавкомъ. — Извольте, смастачу и цыганскій романсъ. Намъ все едино.

И мастачить:

...Я безсловно тебя застрѣлю,

Если ты... съ кѣмъ-нибудь... гдѣ-то тамъ...

Потому что тебя я люблю

И тебя никому не отдамъ,

...Впрочемъ, дѣлай, что хочешь, но знай:

Слишкомъ вѣрю въ невинность твою.

Не бросай же меня! не бросай!

Ну, а бросишь — прости, застрѣлю.

Кажется, даже и существуетъ такой романсъ:

Захочу, полюблю,

Захочу, разлюблю

Если жъ бросишь меня —

Застрѣлю, застрѣлю.

Энергично.

Но скверно.

Удивительно, какъ удержался любитель иностранныхъ словъ Игорь Сѣверянинъ — чтобы несфранцузить въ послѣдней строкѣ:

Ну, а бросишь; пардонъ, застрѣлю.

Вѣжливо и культурно.

Въ журналѣ „Наша Родина“ находимъ интересныя выдержки изъ разсказа „изъ русскаго быта“ напечатаннаго въ № 62 журнала „Le Pays de France“ (приложеніе къ „Le Matin“). Изображеніе русскаго быта въ этомъ разсказѣ дорого и близко сердцу каждаго русскаго челоуѣка.

Отбившійся отъ родителей мальчикъ-бѣженецъ вспоминаетъ о счастливыхъ дняхъ жизни дома. Идутъ воспоминанія о томъ, какъ напхали солдаты, велѣли выѣзжать.

Взяли они съ собой „Гісопе“, (икону), какой-то невѣдомый „подвѣнечный браслетъ“ матери и... нѣсколько стады.

Наконецъ, добрались до города, гдѣ „крыши церквей были изъ серебра“. Тамъ ихъ приютили, накормили „восхитительнымъ“ супомъ, а потомъ отправили по желѣзной дорогѣ дальше по направленію къ востоку.

Одна изъ бродячихъ собакъ подружилась съ дѣтьми.

Они назвали ее нѣжной (?) кличкой „Сючка“.

Новый товарищъ оказался очень деликатнымъ. Онъ ловилъ для нихъ молодыхъ кроликовъ, птицъ и, наконецъ, „дикихъ козовъ“.

Но вотъ дѣти передъ храмомъ, поразившимъ ихъ своею роскошью.

Крестыяне, которымъ было нужно что-нибудь спросить или нужна была отдѣльная молитва, подходили, падали ницъ, трижды цѣловали землю, затѣмъ вставали, трижды кланялись, дѣлая крестное знаменіе, какъ учитъ православная церковь, т. е. ударяя себя въ лобъ, въ животъ, въ правое плечо и опять въ животъ (!)

Авторъ повѣсти вполне заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того, чтобы „перекрестить“ его подобнымъ образомъ.

Благословеннаго хлѣба ни Семенъ, ни Марія не получили, т. к. конфузилось своей бѣдності, немасленыхъ волосъ и неимѣнія фонаря. (!)

Но они все-таки остались довольны. Вышли изъ церкви, подождали пока всѣ разойдутся, выбрали хорошенькую елку и легли подъ ней спать.

Сючка на этотъ разъ не захотѣла грѣть имъ бока.

Снѣгъ насыпалъ на этомъ самомъ мѣстѣ цѣлую большую кучу. И, когда мужики пришли къ утренней мессѣ, дѣти дыли уже тамъ, откуда никто не возвращался.

Сючка тоже умерла на другой день — за компанію.

Такъ имъ всѣмъ и надо — не фигурируй въ дикихъ разсказахъ!

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Саранскому. — Вопреки факту, сообщенному въ вашемъ разсказѣ — въ атаку съ батареями не ходять.

Еще электрическую батарею можно было бы съ собой захватить, но и то — къ чему?

Огорчило насъ и другое обстоятельство: „Гаврилюкъ, — говорите вы, — приложился и выстрѣлил“.

Однако, выше вы пишете, что Гаврилюкъ „былъ бравымъ артиллеристомъ“.

Къ чему же это онъ, спрашивается, прикладывался передъ выстрѣломъ?

Къ пушкѣ не прикладываются, а къ чему другому — такъ въдь спиртные напитки запрещены.

Не къ вамъ ли онъ приложился? Спасибо, моль, что человекъ такіе безграмотные разсказы о насъ пишетъ.

Здѣськину (Тамбовск. ул.). — Поистинѣ, съ такимъ запросомъ умѣстнѣе всего обратиться въ журналъ „Акушерка“:

„Скажите мнѣ — какъ зародился я
И что во мнѣ за червь такой живетъ,
Зачѣмъ онъ грудь всегда сосеть,

Скажите мнѣ, мои друзья —
Зачѣмъ же зародился я?“

Поступокъ, дѣйствительно безцѣльный...

А. С. Т. (Шуръ). — „Если мои стихи напечатаны — я готова расцѣловать милого редактора“.

Сами они не напечатаны. Это мы должны сдѣлать. А мы не сдѣлаемъ.

А если бы стихи и были напечатаны, то прославленная застѣнчивость редактора помѣшаетъ вамъ исполнить ваше веселое намѣреніе.

Б. Провинція.

Минскъ — Увопал’у. — „Жизнь у насъ въ Минскѣ начинается текти (?) быстрѣй и сдѣлалась веселѣе, но за литературой я скучаю и изрѣдка нѣтъ-нѣтъ да и нацарапаю стишонки“.

Предпочитаемъ нѣтъ-нѣтъ, чѣмъ царапать.

Ольгино. — Бурому. — Маятникъ бить не можетъ. Это дѣло часовъ.

Маятникъ не бьетъ.

И объ этомъ иногда можно пожалѣть.

Ave.

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 часъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX 10 шт.
отъ 40 к. — 1 р.

KNEBIVE 10 шт.
отъ 20 к. — 60 к.

CLASSIC 10 шт.
отъ 20 к. — 60 к.

АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ фунтъ
отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

ЯКА 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„САФЪ“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. и 20 к.
10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Т-во А. Н. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА.
БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ.

новая книга:

„Теплая компанія“.

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Текстъ: — Арк. Аверченко,
Вл. Азова, А. Бухова,
О. Л. Д’Ора и Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Продолжается подписка

4-й годъ изданія.

на еженедѣльный журналъ

4-й годъ изданія.

САТИРЫ и ЮМОРА

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ДѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА

**ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
ОБРАБОТАННАЯ
САТИРИКОНЦАМИ**

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО
ОСАДЬКО
ТЕФФИ
АРКАДІА БУХОВА
РЕ-...
ДЮНГЕРЪ
А. ЯКОВЛЕВЪ

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА НОВ. САТИРИКОНЪ

Цѣна 1 р. 50 коп.

ЗАЩИТА ОТЪ ВИНА.

Въ городскихъ думахъ постепенно просачивается тенденція — разрѣшать спиртные напитки.

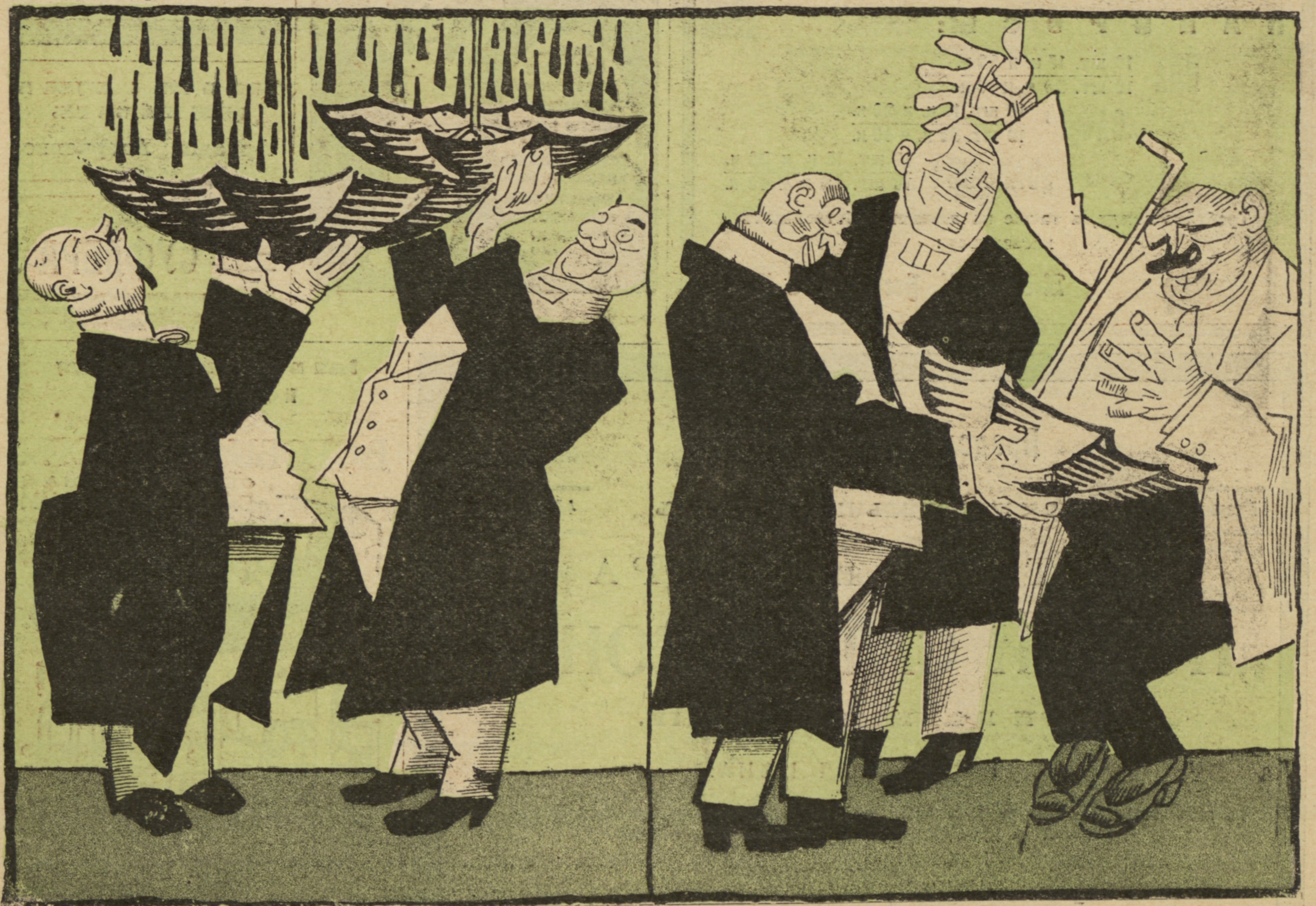
(Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

Вино просачивается...

— Ого! Цѣлый дождь. Эй, люди! Дайте скорѣ зонтики! Да чтобъ побольше были!

Защищаются отъ дождя.

— Такъ, знаете ли, устаетъ отъ этой борьбы съ виномъ, что и на ногахъ не стоишь!